

Александр Пушкин

ПИКОВАЯ
Д♠М♠

Санкт-Петербург
Издательство «Качели»
2019

Пиковая дама означает
тайную недоброжелательность.

Новейшая гадательная книга

I

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — Бог их прости! —
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом¹.

¹Пушкин сообщил Вяземскому в своём письме от 1 сентября 1828 года, что этот эпиграф — его собственные стихи.

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра. Те, которые остались в выигрыше, ели с большим аппетитом, прочие, в рассеянности, сидели перед пустыми своими приборами. Но шампанское явилось, разговор оживился, и все приняли в нём участие.

— Что ты сделал, Сурин? — спросил хозяин.

— Проиграл, по обыкновению. Надобно признаться, что я несчастлив: играю мирандолом², никогда не горячусь, ничем меня с толку не собьёшь, а всё проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнился? Ни разу не поставил на руте?..³ Твёрдость твоя для меня удивительна.

— А каков Германн! — сказал один из гостей, указывая на молодого инженера. — Отроду не брал он карты в руки, отроду не загнул ни одного паролы, а до пяти часов сидит с нами и смотрит на нашу игру!

— Игра занимает меня сильно, — сказал Германн, — но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее.

— Германн — немец: он расчётлив, вот и всё! — заметил Томский. — А если кто для меня непонятен, так это моя бабушка графиня Анна Федотовна.

²Мирандоль — карточный термин; играть мирандолом — значит делать небольшую ставку на две карты, при выигрыше удваивать ставку.

³Руте — карточный термин; ставить на одну и ту же карту.

— Как? Что? — закричали гости.

— Не могу постигнуть, — продолжал Томский: — каким образом бабушка моя не понтирует!

— Да что ж тут удивительного, — сказал Нарумов, — что осмидесятилетняя старуха не понтирует?

— Так вы ничего про неё не знаете?

— Нет! Право, ничего!

— О, так послушайте:

Надобно знать, что бабушка моя, лет шестьдесят тому назад, ездила в Париж и была там в большой моде. Народ бегал за нею, чтобы увидеть *la Venus moscovite*⁴; Ришелье⁵ за нею волочился, и бабушка уверяет, что он чуть было не застрелился от её жестокости.

В то время дамы играли в фараон. Однажды при дворе она проиграла на слово герцогу Орлеанскому⁶ что-то очень много. Приехав домой, бабушка, отлепившая мушки с лица и отвязывая фижмы, объявила дедушке о своём проигрыше и приказала заплатить.

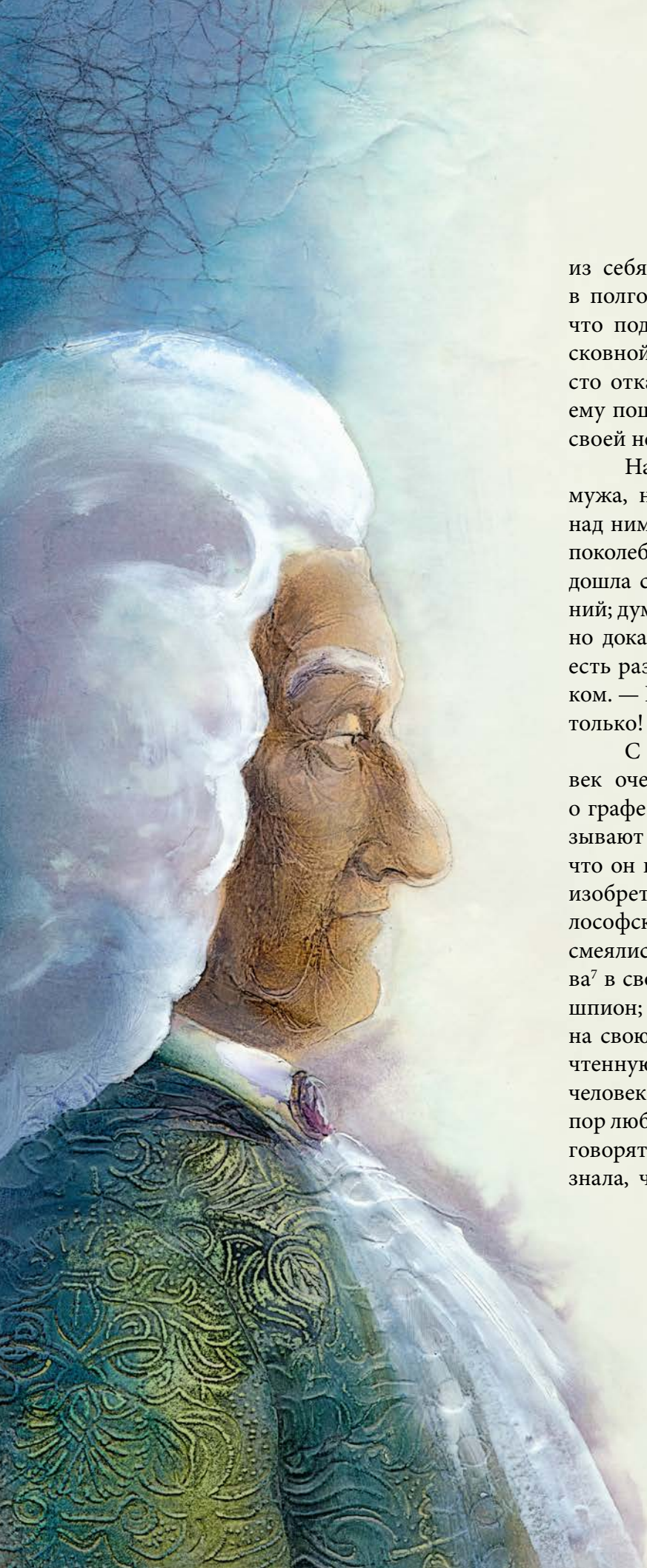
Покойный дедушка, сколько я помню, был род бабушкиного дворецкого. Он её боялся, как огня; однако, услышав о таком ужасном проигрыше, он вышел

⁴Московскую Венеру (франц.).

⁵Ришелье Арман Дюплесси (1698–1788) — придворный Людовика XV, известный своими любовными похождениями.

⁶Герцог Орлеанский Филипп (1674–1723) — регент, управлявший Францией в малолетство Людовика XV, после смерти Людовика XIV.

из себя, принёс счёты, доказал ей, что в полгода они издержали полмиллиона, что под Парижем нет у них ни подмосковной, ни саратовской деревни, и начисто отказался от платежа. Бабушка дала ему пощёчину и легла спать одна, в знак своей немилости.

На другой день она велела позвать мужа, надеясь, что домашнее наказание над ним подействовало, но нашла его непоколебимым. В первый раз в жизни она дошла с ним до рассуждений и объяснений; думала усюветить его, снисходительно доказывая, что долг долгу розь и что есть разница между принцем и каретником. — Куда! Дедушка бунтовал. Нет, да и только! Бабушка не знала, что делать.

С нею был коротко знаком человек очень замечательный. Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за Вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая. Над ним смеялись, как над шарлатаном, а Казанова⁷ в своих Записках говорит, что он был шпион; впрочем, Сен-Жермен, несмотря на свою таинственность, имел очень почтенную наружность и был в обществе человек очень любезный. Бабушка до сих пор любит его без памяти и сердится, если говорят о нём с неуважением. Бабушка знала, что Сен-Жермен мог располагать

⁷Казанова — итальянский авантюрист XVIII века, автор мемуаров, в которых он рассказывает о своей жизни, полной приключений.

большими деньгами. Она решилась к нему прибегнуть. Написала ему записку и просила немедленно к ней приехать.

Старый чудак явился тотчас и застал в ужасном горе. Она описала ему самыми чёрными красками варварство мужа и сказала наконец, что всю свою надежду полагает на его дружбу и любезность.

Сен-Жермен задумался.

«Я могу вам услужить этой суммой, — сказал он, — но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мной не расплатитесь, а я бы не желал вводить вас в новые хлопоты. Есть другое средство: вы можете отыгаться».

«Но, любезный граф, — отвечала бабушка, — я говорю вам, что у нас денег вовсе нет». — «Деньги тут не нужны, — возразил Сен-Жермен: — извольте меня выслушать». Тут он открыл ей тайну, за которую всякий из нас дорого бы дал...

Молодые игроки удвоили внимание. Томский закурил трубку, затянулся и продолжал:

— В тот же самый вечер бабушка явилась в Версали, au jeu de la Reine⁸. Герцог Орлеанский метал; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, в оправдание сплела маленькую историю и стала против него понтировать. Она выбрала три карты, поставила их одну за другою: все три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно.

⁸На карточную игру к королеве (франц.).

— Случай! — сказал один из гостей.

— Сказка! — заметил Германн.

— Может статься, порошковые карты? — подхватил третий.

— Не думаю, — отвечал важно Томский.

— Как! — сказал Нарумов, — у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у ней её кабалистики?

— Да, чёрта с два! — отвечал Томский, — у ней было четверо сыновей, в том числе и мой отец: все четыре отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны; хоть это было бы не худо для них и даже для меня. Но вот, что мне рассказывал дядя, граф Иван Ильич, и в чём он меня уверял честию. Покойный Чаплицкий, тот самый, который умер в нищете, промотав миллионы, однажды, в молодости своей, проиграл — помнится Зоричу — около трёхсот тысяч. Он был в отчаянии. Бабушка, которая всегда была строга к шалостям молодых людей, как-то сжалилась над Чаплицким. Она дала ему три карты, с тем, чтоб он поставил их одну за другою, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкий явился к своему победителю: они сели играть. Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника; загнул паролы, паролыпе, — отыгрался и остался ещё в выигрыше...

— Однако пора спать: уже без четверти шесть.

В самом деле, уже рассветало: молодые люди допили свои рюмки и разъехались.